

УЧИТЕЛЬ СОВЕСТИ

Л. Б. Лихтерман

ФГАУ «Национальный медицинский исследовательский центр нейрохирургии им. Н. Н. Бурденко» Минздрава России;
Россия, 125047 Москва, ул. 4-я Тверская-Ямская, 16

Контакты: Леонид Болеславович Лихтерман likhterman@nsi.ru

В публицистическом очерке раскрываются детали жизненного пути крупного ученого-нейротравматолога Льва Хацкевича Хитрина, его вклад в изучение травматических внутричерепных гематом, особенно важный в докомпьютерную эпоху.

Ключевые слова: Лев Хацкевич Хитрин, нейрохирург, юбилей, 100-летие со дня рождения

Для цитирования: Лихтерман Л. Б. Учитель совести. Нейрохирургия 2018;20(4):114–7.

DOI: 10.17650/1683-3295-2018-20-4-114-117

A mentor of honesty

L. B. Likhterman

N. N. Burdenko National Medical Research Center of Neurosurgery, Ministry of Health of Russia; 16 4th Tverskaya-Yamskaya St.,
Moscow 125047, Russia

The publicistic essay reveals the details of the life path of a major scientist-neurotraumatologist Lev Khatskelevich Khitrin, his contribution to the study of traumatic intracranial hematomas, especially important in the pre-computer era.

Key words: Lev Khatskelevich Khitrin, neurosurgeon, anniversary, 100th anniversary of birth

For citation: Likhterman L. B. A mentor of honesty. Neyrokhirurgiya = Russian Journal of Neurosurgery 2018;20(4):114–7.

7 ноября 2018 г. исполняется 100 лет со дня рождения крупного ученого-нейротравматолога Льва Хитрина (1918–2003).

КОРЕННОЙ НИЖЕГОРОДЕЦ

Лев Хитрин родился в Нижнем Новгороде в семье портного. Жили в полуподвале старого дома вблизи Окского откоса. И холод, и голод были знакомы Льву с детства. Трудолюбивого, светлого, любознательного мальчика всегда тянуло к знаниям. С ранних лет стал запойным книголюбом. Эта страсть сопровождала его всю жизнь, пока он не ослеп.

В 1936 г. Лев Хитрин поступил на лечебный факультет Горьковского мединститута. Прилежно учился, был активным комсомольцем.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

Окончание института совпало с началом Великой Отечественной войны. Льва сразу мобилизовали, и с июля 1941 г. он все время находился в действующей армии. Был фронтовым хирургом, затем начальником медсанбата. Много оперировал: и конечности, и грудь, и живот. Особенно наваливалась работа, когда наступали и когда отступали. Операции приходилось

делать под артиллерийскими обстрелами, бомбежками, в каких-то приспособленных хатах, палатках. Выполнял долг врача, как говорится, не жалея себя и не покладая рук.

Лев Хацкелевич испытал все: и горечь отступления, и ужас окружения (из которого ему чудом удалось выбраться), и радость победы, которую он встретил в Берлине. В его фронтовых воспоминаниях война представлена такой, какой она была на самом деле.

СКИТАНИЯ

После войны Лев Хацкелевич остался в армии. Женился на своей старшей операционной сестре Гене Мотылевне, все родные и близкие которой погибли.

Семья Хитриных начала свое долгое путешествие по захолустным гарнизонам Поволжья и Севера. Жили в военных городках без всяких удобств, питались плохо. Мерзли, мокли, но честно несли свой крест.

В 1950 г. Льва Хитрина направили в Китай. Это было специальное задание правительства. Шла Корейская война, и советским летчикам, которые воевали на стороне Северной Кореи, требовалось медицинское обеспечение. Все было обставлено таинственно. Ничего не сказав даже самим командиром, их посадили в поезд и привезли в Порт-Артур. Лев Хитрин служил в Китае под именем Сунь Сунь-Ли, он возглавлял дивизионный лазарет.

А потом снова российская глубинка.

ПРИЗВАНИЕ

В 1961 г. 43-летнего подполковника медицинской службы Льва Хитрина демобилизовали: шло хрущевское сокращение армии. Он должен был решить, где жить дальше. По закону мог выбрать любой город, но, конечно, им стал Нижний Новгород, тогда еще Горький.

Кем работать? В войну ему приходилось сталкиваться с самыми трудными и для диагностики, и для оперативного лечения черепно-мозговыми ранениями. И Лев Хитрин решил освоить нейрохирургию.

Став сотрудником Горьковского института травматологии, он много дежурил и принимал больных с острыми травмами. Затем его на полгода отправили в Ленинградский нейрохирургический институт им. А.Л. Поленова, чтобы он постиг основы классической нейрохирургии и нейротравматологии.

Вернувшись в Горький, Лев Хацкелевич взял на себя диагностику и лечение пострадавших с черепно-мозговой травмой.

Я познакомился с ним в ноябре 1962 г., когда, покачиваясь в поисках работы, осел в Горьком. Нейрохирургической клиники еще не было, и нам временно выделили 10 коек на базе неврологического отделения 35-й больницы.

Так начиналась — вернее, возрождалась — нейрохирургия в городе Горьком.

Мы подружились и по-человечески, и профессионально. Удачно дополняя друг друга, стали неразделимы.

Лев Хацкелевич много сил и времени отдавал организации межобластного нейрохирургического центра, поэтому по праву считается одним из его основателей. Когда встал вопрос о теме кандидатской диссертации, он не колебался — травматические внутричерепные гематомы. В 60-е годы XX в. смертность от них в Горьком превышала 90 %, и примерно такой же была частота диагностических ошибок. Я стал его научным руководителем.

Лев Хацкелевич был основательным исследователем. Он проштудировал отечественную и зарубежную литературу по травматическому сдавлению мозга, досконально изучил все материалы судебно-медицинской экспертизы города и области за 10 лет по черепно-мозговой травме. Сутками пропадал у постели пострадавших в клинике, выискивая ранние показания к хирургическому вмешательству при внутричерепных гематомах и лично оперируя их в любое время.

Так накапливался опыт и вместе с ним новые знания в докомпьютерную эпоху. Частота дооперационного нераспознавания внутричерепных гематом уменьшилась до 1 %, а вследствие этого резко снизилась и летальность. Достиженные результаты были сопоставимы с данными ведущих отечественных и зарубежных клиник.

Диссертация получилась. Тогда я только предполагал, а сейчас совершенно убежден, что это по сути не кандидатская, а полноценная докторская диссертация. К сожалению, я был еще недостаточно опытен, а Лев Хацкелевич слишком скромн, чтобы без весомой поддержки пройти сложный путь защиты кандидатской диссертации как докторской.

Поехали мы со Львом Хацкелевичем в Казань. Я, который намного его моложе, как учитель представлял своего ученика. И эта контрастная разница в возрасте и в ролях вызывала симпатию — в основном, к нему. Если пожилой человек ради дела пренебрег всякими условностями и готов быть учеником более молодого коллеги — значит, он достойная личность.

Защита с блеском прошла в Казанском государственном институте для усовершенствования врачей. Выдержали экзамен оба — я как научный руководитель (мой первый ученик!) и Лев Хацкелевич как диссертант, в 50 лет рискнувший пройти все перипетии защиты.

В 1969 г. его избрали по конкурсу старшим научным сотрудником Горьковского института травматологии и ортопедии — в ту пору это была довольно высокая должность.

УРОК НРАВСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Однажды мы проводили лето в палатках на Волге. В случайном эпизоде раскрылась глубина личности Льва Хацкелевича.

Ранним утром мы прогуливались вдоль Волги, проверяя наши донки. Рыба, увы, не попалась. В это

время к нам подбежал Мухтар, неся в зубах крупную тетерку. Свою добычу собака положила нам под ноги и, виляя хвостом, поплелась прочь. Я обрадовался:

— Жереха нет. Но зато есть тетерка. Это еще лучше. Вкусный обед обеспечен.

— Это не наша тетерка, — заявил Лев Хацкелевич.

— А чья же? Вы хотите сказать — хозяина Мухтара, бакенщика Петра?

— Нет, не наша и не Петра. Тетерка принадлежит собаке, она ее добыла.

В это время причалил Петр. Я рассказал ему ситуацию. Он, смачно матюкнувшись, рассмеялся: «Ну и чудаки вы. Надо было сварить тетерку и не рассусоливать. Теперь это сделаю я, спасибо Мухтару и доктору». И довольный уплыл на лодке с собакой и тетеркой.

Пытаясь понять, почему Лев Хацкелевич всегда предпочитает оставаться в тени, уступать другим, никогда не пытается бороться за себя, я обращался к этому примеру проявления обостренного чувства справедливости и высоконравственного сознания. Не случайно Лев Хацкелевич был душой коллектива, эталоном моральных устоев.

СВЕРШЕНИЯ

Лев Хитрин стал заметной фигурой в нейротравматологии. Он детально разработал клиническую классификацию травматических внутричерепных гематом и очаговых ушибов мозга, принципы их диагностики и тактику хирургического лечения. Ему принадлежат первые в отечественной научной литературе описания лечения внутрижелудочковых гематом и эпидуральных гематом задней черепной ямки, аутокраниопластики при переломах костей черепа и др. Лев Хитрин внес существенный вклад в учение о стадийности течения травматического сдавления головного мозга.

Свой уникальный для эпохи докомпьютерной нейротравматологии опыт ученый изложил в первой отечественной монографии по данной проблематике «Травматические внутричерепные гематомы», изданной в 1973 г. московским издательством «Медицина». Монография эта получила много положительных рецензий и стала настольной книгой нейрохирургов. По ней учились. Об этом мне говорили акад. Владимир Викторович Крылов, проф. Олег Николаевич Древалъ и другие деятели нашей нейрохирургии. Проф. Валерий Евгеньевич Парфенов рассказывал, как, будучи в отдаленном гарнизоне, читал в операционной советы Льва Хацкелевича и, следуя им, шаг за шагом осуществлял удаление субдуральной гематомы. Это и есть истинное признание ценности труда Льва Хитрина.

У Льва Хацкелевича было немало и непосредственных учеников. Он также оставил след в хирургии повреждений периферических нервов. Операции на них требуют тщательности и особого терпения, которым в высокой степени обладал Лев Хацкелевич. Все охотно отдавали ему «периферию», и он стал ведущим

специалистом и учителем молодых врачей в этой немодной области нейротравматологии.

БОЛЕЗНИ

Льву Хацкелевичу «везло» с болезнями. На автозаводе неподалеку от дома, где жили Хитрины, взорвалась огромная цистерна с хлором. Ядовитое облако накрыло и Льва Хацкелевича. Он получил серьезное отравление с развитием спастического удушья. Много лет после этого у него был надсадный кашель, легочная недостаточность с ощущением нехватки воздуха. Несколько раз сердечная патология приводила к госпитализации, а затем его стала преследовать непонятная анемия.

...В 1994 г. с Львом Хацкелевичем случилась беда. Ему наложили эпицистостому. Он был крайне удручен случившимся не столько из-за себя, сколько из-за Гени Мотылевны, начавшей слепнуть и стареть психически. «Кто ей поможет, как она будет без меня!» — метался мой друг. Оперировать не стали, а начали лечение гипертермией. Однако эффекта не получили. Лев Хацкелевич выписался с трубкой, с которой ездить на работу не мог, и вынужден был в 75 лет уволиться. Он продолжал быть активным дома, ходил по магазинам, ухаживал за слабевшей женой, а в свободные часы запоем читал.

Я предложил ему обследование и лечение в Москве. Но он отверг это предложение: «Нет, Геню я не оставляю. Только мой уход продлевает ей жизнь».

Движимый обостренным чувством долга по отношению к жене, не желая даже на месяц отдать ее в больницу, Лев Хацкелевич предельно запустил собственную болезнь. Но таким он был, такова его суть: до собственного лечения руки никогда не доходили.

Функции сиделки и домашней работницы он выполнял исключительно добросовестно. Не имел покоя ни днем, ни ночью: Геня Мотылевна кричала и постоянно требовала внимания.

И все же Лев Хацкелевич нашел время и силы, чтобы принять участие в составлении трехтомного «Клинического руководства по черепно-мозговой травме», для которого написал ряд глав.

МУКИ

События развивались трагически. Лев Хацкелевич уже не мог ходить и был вынужден дать согласие на помещение его и жены в родную 39-ю больницу. Они заняли двухместную палату в нейрохирургическом отделении. Геня Мотылевна вскоре скончалась, а Лев Хацкелевич пролежал там более 2 лет.

На кровати с боковой предохранительной доской находился скрюченный, исхудавший, бледный, а точнее белый от обескровливания Лев Хацкелевич. Рядом с ним был черный портфель с радиоприемником, шоколадками для нянечек, туалетной бумагой.

Садиться около больного надо было с осторожностью, чтобы не задеть свисавший мочеприемник

с подставленной под него банкой. Эпицистостома часто промокала, трубка стояла ненадежно, порой забивалась или выпадала, а смена ее была мукой и для пациента, и для уролога. Вставлять трубку, по существу, было некуда — мочевой пузырь сморщился, а оставшееся пространство почти целиком заполнял камень.

Но голова страдальца была полна интереса к жизни и к людям. Память хранила воспоминания восьмидесяти богатых на события лет. Больше всего Лев Хацкелевич тяготился одиночеством, скучал по человеческому общению. Никого не хочу упрекать — люди, ко всему привыкшие и вечно замотанные делами, забывали в суете заходить к своему тяжелобольному товарищу. Да и общаться с ним было нелегко — он не видел, плохо слышал, речь его не всегда была достаточно внятной. Беседовать с человеком в таком состоянии трудно, и коллеги подсознательно избегали его навещать. Меня он узнавал по голосу. Глохнувший, слепой, Лев Хацкелевич в такие моменты преображался: оживлялся, много спрашивал, давал четкие советы. Но чаще уходил в воспоминания. Особенно ему не давала покоя война, на которой пришлось столько увидеть, познать и пережить.

Самого совестливого из всех, кого я знал, мучила совесть! Он часто спрашивал себя: «Был ли я прав?», «Поступил ли по совести?», «Не согрешил ли перед

истиной?» Я восхищался духовной высотой, душевной чистотой, благородством этого человека. От него исходил свет, почти нимб святости. Таков был мой друг.

Все зубы Лев Хацкелевич потерял, протезы не держались. Он мог жевать только деснами. Но аппетит сохранился. Я кормил друга с ложки отварной скумбрией или паштетом и радовался, что еда доставляет ему удовольствие. А потом текли часы в беседе... Абсолютно беспомощный Лев Хацкелевич продолжал бороться за жизнь.

Наша последняя встреча состоялась в мае 2003 г. Помню высказанные Львом Хацкелевичем мысли о метастатической болезни. «Нас учили: метастазы — значит, скорый конец. Это не так: есть метастатическая болезнь со своим долгим течением, стабилизацией состояния и даже относительными ремиссиями. Ее надо изучать, в том числе поведение метастазов, которые могут не только появляться, но и, как я убедился на собственном опыте, исчезать, разнонаправленно влияя на основной процесс». Глубина мышления умирающего ученого меня потрясла.

Спустя несколько дней Лев Хацкелевич угас.

Ушел редкостный человек, который своими качествами и поступками украшал землю. Какое счастье, что мне довелось знать его, работать и дружить с ним!